

Горящие вопросы

В мощном потоке информации о ходе ведения войны особенно выделялось несколько драматичных сценариев и событий. В 1914 году общественное внимание в России было сосредоточено на подвигах казачьего кавалериста Козьмы Крючкова, гибели авиатора Николая Нестерова, успешной военной операции русской армии в Галиции, разгром немцами польского города Калиш, сопротивление Бельгии немецкой оккупации и немецкие бомбардировки французского Реймса. Освещая эти события, российские средства массовой информации подчеркивали достойное поведение русских и их союзников и глубину варварства вражеской армии.

Те же мотивы появляются и в литературе, порой даже в более примитивной и преувеличенной форме, с тем чтобы эксплицировать моральную сторону происходящих событий. Практически не имея никаких личных контактов с реалиями войны, русские писатели фактически имели те же источники информации, что и их читатели, и неизбежно недостаток реальных жизненных впечатлений компенсировался силой творческого воображения. Это приводило к размыванию границ между подлинным сопереживанием происходящему и грубой спекуляцией на человеческой трагедии, между искусством и массовой литературой. Термин «военная литература» довольно быстро приобрел в критике сугубо негативное значение, поскольку создаваемое на этом поприще действительно имело весьма малую художественную и в конечном счете человеческую ценность. Это неприязненное отношение к отражению темы войны было выражено Зинаидой Гиппиус, когда в одном из стихотворений она просит избавить ее от разговоров о Бельгии и Польше. На самом деле, испытывая большие сомнения на предмет релевантности и силы слова, она защищает позицию молчания как единственно достойной реакции на все ужасы войны и страдания человека. Но с другой стороны и сама Гиппиус не осталась в стороне от высказываний от имени жертв войны, хотя и постоянно стеснялась и избегала употребления громких слов. В конечном счете, символисты не остались равнодушны к происходящему в Польше и Бельгии. Еще один острый вопрос для них – всплески антисемитизма в Польше и России. Для большинства писателей это был вопрос защиты прав человека, поддержки униженных и оскорбленных, но, как выяснилось впоследствии, эти актуальные темы допускали интерпретацию и в более широком, даже эсхатологическом, плане.